

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Ненависть к крепостному
праву уже тогда жила во мне.

И. С. Тургенев

Крепостничество в жизни И. С. Тургенева

Тургенев жил в эпоху крепостного права. Судьба крепостных крестьян, принадлежавших его матери, решалась на его глазах.

Мать И. С. Тургенева, Варвара Петровна, была очень жёсткой крепостницей (см. форзац 2). Ей принадлежала усадьба Спасское-Лутовиново и тысяча крепостных душ. Отец И. С. Тургенева женился на Варваре Петровне только из-за её очень богатого состояния. «Ей ничего не стоило оторвать от семьи и сослать в дальнюю деревню на скотный двор горничную только за то, что она не успела стереть пыль с её столика, или приказать высечь на конюшне всех садовников, если случайно оказывалось, что кто-то сорвал её любимый цветок. Прихотям и причудам Варвары Петровны не было конца» (по Н. С. Шер).

А теперь давайте отправимся в барскую усадьбу Спасское-Лутовиново, недалеко от Орла, которой владела Варвара Петровна. В этом имении прошло детство И. С. Тургенева (см. форзац 2). Дом был окружён великолепным парком с вековыми дубами, роскошными липами, берёзами, многочисленными цветниками. Тенистые аллеи вели к прозрачным прудам. А недалеко от дома находилась постройка для многочисленной

дворни — домашних слуг из крепостных крестьян: прачек, поваров, портных, дворников, конюхов, обслуживающих помещицу. В доме матери И. С. Тургенева жили приживалки из обедневших родственников, знакомых, которые развлекали помещицу, днём и ночью были при ней.

В стороне от барского дома находилась конюшня. Там стояли лошади, на которых барыня выезжала в город или к соседям-помещикам. Там же нередко наказывали плетью провинившихся крестьян. Это вызывало протест, возмущение впечатлительного мальчика, он заступался за крестьян, плакал от сострадания к ним. Позднее И. С. Тургенев писал: «Раннюю ненависть к рабству и крепостничеству внушило мне безобразие окружающей среды».

Знание быта помещичьей усадьбы, крепостной деревни легло в основу многих произведений И. С. Тургенева, в том числе и рассказа «Муму».

Это интересно знать!

В эпоху крепостного права крестьяне принадлежали помещикам. Они трудились на его земле и вынуждены были отдавать помещику большую часть собранного урожая. Тот, в свою очередь, мог наказывать, продавать и покупать крестьян: детей разлучали с родителями, брата с сестрой, мужа с женой.

Такое право помещика называлось *крепостным*. Так продолжалось в России до 1861 года, пока крепостное право не было отменено.

1. Какие впечатления из детства И. С. Тургенева нашли отражение в его рассказе «Муму»? Почему И. С. Тургенев возненавидел крепостное право?
2. Подготовьте рассказ об эпохе крепостного права, используя материалы учебного пособия (с. 83—85, форзац 2).

Н. В. Неврев. Торг. Сцена из крепостного быта.
Из недавнего прошлого

3. Внимательно рассмотрите репродукцию картины Н. В. Неврева.

1. Какой эпизод из жизни помещиков и их крепостных отразил художник?
2. Как передаётся напряжённость создавшейся ситуации?
3. Обратите внимание на манеру поведения героев (*передний и задний планы картины*). Можем ли мы догадаться, о чём говорят помещики и что думают крепостные в этот момент?
4. Какие события могли предшествовать запечатлённым на картине?

4. Пофантазируйте: что может произойти потом. Составьте рассказ по картине (устно), придумайте для него название.

МУМУ (В сокращении)

В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолью¹ и покрывившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленной дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она

¹ Антресоль — в старинных дворянских домах: верхний этаж с низкими потолками.

выезжала редко и уединённо доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

Из числа всей её челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста¹, сложенный богатырём и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым² мужиком. Одарённый необычайной силой, он работал за четверых — дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошадёнки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косою, что хоть бы молодой берёзовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трёхаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его плечей. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе. Славный он был мужик, и не будь его несчастье, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Отчуждённый несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растёт на плодородной земле... Переселённый в город, он не понимал, что с ним такое делается, — скучал и недоумевал, как недоумевает молодой, здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла

¹ В старину принято было обозначать рост количеством вершков сверх двух аршин. *Аршин* равен 71 см, а *вершок* — примерно 4,5 см. Таким образом, рост Герасима — 195,5 см.

² *Тягло* — государственная повинность крестьян в царской России.

ему по брюхо, — взяли, поставили на вагон железной дороги — и вот, обдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат — бог весть!

Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ; в полчаса всё у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь.

Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома, да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая кляча-водовозка, он только двинет плечом — и не только телегу, самое лошадь спихнёт с места; дрова ли примется колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья; а что насчёт чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке¹ очень стали уважать его; даже днём проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики.

Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских — они его побаивались, —

¹ *Околóток* — здесь: окружающая местность, окрестность.

а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполняя все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье¹.

Вообще Герасим был нрава строгого и серьёзного, любил во всём порядок; даже петухи при нём не смели драться, а то беда! Увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака.

Ему отвели над кухней каморку; он устроил её себе сам по своему вкусу, соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырёх чурбаках², — истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на неё — не погнулась бы; под кроватью находился дюжий³ сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика — стул на трёх ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнётся. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только чёрный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошёл год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всём следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную; в доме у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, — был даже один шорник⁴, он же считал-

¹ В засто́лице — за общим столом в людской (помещение для слуг) при барском доме.

² Чурба́к — обрубок бревна.

³ Дю́жий — прочный, большой, тяжёлый.

⁴ Шо́рник — мастер, изготавливающий седла, уздечки.

ся ветеринарным врачом и лекарем для людей, был домашний лекарь для госпожи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов, пьяница горький. <...>

[Чтобы он «остепенился», задумала барыня женить башмачника на прачке Татьяне — тихой, безответной и беззащитной. Татьяна была де-вушкой работающей: ей доверяли стирать только тонкое бельё. Саму барыню Татьяна в глаза не видела, но очень её боялась.

Герасим оказывал Татьяне знаки внимания и даже собирался отпра-виться к барыне с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне.

Неожиданное решение барыни смутило дворовых, но никто из них не посмел даже заикнуться о том, что Татьяна нравилась Герасиму. Они надеялись, что барыня забудет о своей причуде. Но она не забыла... Пред-ложение барыни выйти замуж за Капитона Татьяна приняла безропотно.]

В тот же вечер они оба с гусями под мышкой отправились к барыне и через неделю поженились. В самый день свадьбы Ге-расим не изменил своего поведения ни в чём; только с реки он приехал без воды; он как-то по дороге разбил бочку; а на ночь в конюшне он так усердно чистил и тёр свою лошадь, что та ша-талась, как былинка на ветру, и переваливалась с ноги на ногу под его железными кулаками.

Всё это происходило весною. Прошёл ещё год, в течение которого Капитон окончательно спился с кругу и, как человек решительно никуда негодный, был отправлен с обозом в даль-нюю деревню, вместе с своею женой...

Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бумажный платок, купленный им для неё же с год тому назад. Татьяна, с великим равнодушием переносившая до того мгновения все превратности своей жиз-ни, тут, однако, не вытерпела, прослезилась и, садясь в телегу, по-христиански три раза поцеловалась с Герасимом. Он хотел проводить её до заставы¹ и пошёл сперва рядом с её телегой, но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отпра-вился вдоль реки.

¹ *Заста́ва* — место въезда в город в дореволюционной России.

Дело было к вечеру. Он шёл тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с чёрными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул её к себе за пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошёл в свою каморку, уложил спасённого щенка на кровати, прикрыл его своим тяжёлым армяком¹, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у неё прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлёбываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул наконец сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребёнком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям своего спасителя, превратилась в очень ладную собачонку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась

Ил. И. И. Пчелко

¹ *Армяк* — в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна.

к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку ей дал — немые знают, что мычание их обращает на себя внимание других, — он назвал её Муму.

Все люди в доме её полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам любил её без памяти... и ему было неприятно, когда другие её гладили: боялся он, что ли, за неё, ревновал ли он к ней — бог весть!

Она его будила по утрам, дёргая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его мётлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для неё прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в неё, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая дворняжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмутив глаза, лает просто от скуки, так, на звёзды, и обыкновенно три раза сряду, — нет! тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум и шорох... Словом, она сторожила отлично. <...>

В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо ожидала его у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошёл ещё год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг

Ил. И. И. Пчелко

произошло одно неожиданное обстоятельство... а именно: в один прекрасный летний день барыня со своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила; приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню находил весёлый час, потому что, во-первых, она тогда требовала от всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а во-вторых, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа.

[В тот день она увидела в палисаднике Муму и велела принести её в комнаты. Приживалки бросились выполнять распоряжение госпожи, и лакей Степан принёс собачку. Окружённая приживалками, барыня захотела, чтобы Муму подошла к ней. Но испуганная Муму прижалась к стене. Не стала она и пить молоко, которое ей дал Степан. Когда барыня решила её погладить, собачка судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня испугалась и велела её убрать, чтобы её и во дворе не было. Дворецкий Гаврила приказал Степану унести Муму со двора. Возвращаясь, Степан боялся встретить Герасима.]

Впрочем, его беспокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму; он ещё не помнил, чтобы она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать её, кликать по-своему... бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу — туда-сюда... Пропала! Он обратился к людям, с самыми отчаянными знаками спрашивал о ней, показывая на пол-аршина от земли, рисовал её руками... Иные точно не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Герасим побежал со двора долой.

Уже смеркалось, когда он вернулся. По его истомлённому виду, по неверной походке, по запylённой одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на кото-

ром столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промычал ещё раз: «Муму!» — Муму не отозвалась. Он пошёл прочь. Все посмотрели ему вслед, но никто не улыбнулся, не сказал слова... а любопытный фореитор Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Весь следующий день Герасим не показывался, так что вместо него за водой должен был съездить кучер Потап, чем кучер Потап остался очень недоволен. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли её приказание. Гаврила отвечал, что исполнено. На другое утро Герасим вышел из своей каморки на работу. К обеду он пришёл, поел и ушёл опять, никому не поклонившись. Его лицо, и без того безжизненное, как у всех глухонемых, теперь словно окаменело. После обеда он опять уходил со двора, но ненадолго, вернулся и тотчас отправился на сеновал.

Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим и вдруг почувствовал, как будто его дёргают за полу; он весь затрепетал, однако не поднял головы, даже зажмурился; но вот опять его дёрнули, сильнее прежнего; он вскочил... Перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул её в своих объятьях; она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сенника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку.

Герасим уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что её, должно быть, свели по приказанию барыни; люди-то ему объяснили знаками, как его Муму на неё окрысилась, — и он решился принять свои меры. Сперва он накормил Муму хлебушком, обласкал её, уложил; потом начал соображать, да всю ночь напролёт и соображал, как бы лучше её спрятать. Наконец он придумал весь день оставлять её в каморке и только изредка к ней наведываться, а ночью её выводить. Отверстие в двери он плотно заткнул старым своим армяком и чуть свет был

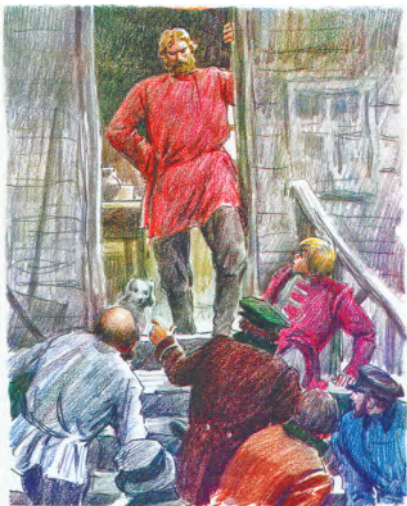
уже на дворе, как ни в чём ни бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лице. Бедному глухому в голову не могло прийти, что Муму себя визгом своим выдаст: действительно, все в доме скоро узнали, что собака немого воротилась и сидит у него взаперти, но, из сожаления к нему и к ней, а отчасти, может быть, и из страха перед ним, не давали ему понять, что проведали его тайну. Дворецкий один почесал у себя в затылке, да махнул рукой. «Ну, мол, бог с ним! Авось до барыни не дойдёт!»

Зато никогда немой так не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, выполол все травки до единой, собственноручно повыдергал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколотил, — словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение¹. В течение дня Герасим раза два украдкой ходил к своей затворнице; когда же наступила ночь, он лёг спать вместе с ней в каморке, а не на сеновале и только во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было собирался вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму наострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнездиться на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного «нервического волнения»: эти волнения у ней всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай её разбудил; сердце у ней забилось и замерло. «Девки, девки! — простонала она. — Девки!» Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. «Ох, ох, умираю! — проговорила она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором. Они меня убить хотят... Собака, опять собака! Ох!» — и она закинула голову назад, что должно было означать обморок.

¹ *Радение* (устар.) — старание, забота о чём-нибудь.

Бросились за доктором, то есть за домашним лекарем Харитоном. Этот лекарь, которого всё искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно братья за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, остальное время всё вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями, — этот лекарь тотчас прибежал, покурил жжёными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднёс ей на серебряном подносике рюмку с заветными каплями. Барыня приняла их, но тотчас же слезливым голосом стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что её, бедную, старую женщину, все бросили, что никто о ней не сожалеет, что все хотят её смерти. Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Герасим напрасно старался отозвать её от забора. «Вот... вот... опять...» — пролепетала барыня и снова подкатила глаза под лоб. Лекарь шепнул девке, та бросилась в переднюю, растолкала Степана, тот побежал будить Гаврилу, Гаврила сгоряча велел поднять весь дом.

Герасим обернулся, увидел замелькавшие огни и тени в окнах и, почуяв сердцем беду, схватил Муму под мышку, вбежал в каморку и заперся. Через несколько мгновений пять человек ломились в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились. Гаврила прибежал в страшных попыхах, приказывал им всем оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал сахар, чай и прочую бакалею, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же её в живых не будет и чтобы барыня сделала милость — не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь второпях вместо двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала — через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно; а Герасим лежал, весь бледный, на своей кровати и сильно сжимал пасть Муму.

Ил. И. И. Пчелко

[На следующее утро дворня по распоряжению Гаврилы собирается взять приступом¹ каморку Герасима. Дворецкий кричит и требует открыть дверь каморки, дворня толпой стоит на лестнице к двери и у её ступенек. В дыру внизу двери, сделанную Герасимом для Муму, пропихнули армяк, болтали палкой, шумели.]

...Вдруг дверь каморки быстро распахнулась — вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы, Гаврила прежде всех...

Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка упёрши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними. Гаврила сделал шаг вперёд.

— Смотри, брат, — промолвил он, — у меня не озорничай. И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, её сейчас, а то беда будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

— Да, да, — возразил тот, кивая головой, — да, непременно.

Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берёт на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь, — замахал ему в ответ Гаврила.

¹ *Приступом* — здесь: штурмом.

Герасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь. Все молча переглянулись.

[Осаду с Герасимовой каморки не сняли. Барыне доложили, что всё исполнено.]

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась и показался Герасим. На нём был праздничный кафтан; он вёл Муму на верёвочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Герасим направился к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глазами, молча. Он даже не обернулся; шапку надел только на улице. Гаврила послал вслед за ним того же Ерошку в качестве наблюдателя. Ерошка увидал издали, что он вошёл в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опёршись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было, что её недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на неё; две тяжёлые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая — во щи. Он заслонил лицо своё рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Герасим встал, заплатил за щи и вышел вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового¹. Ерошка, увидав Герасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Герасим шёл не торопясь и не спускал Муму с верёвочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг

¹ *Полово́й* — трактирный слуга.

быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. На дороге он зашёл на двор дома, к которому пристраивался флигель¹, и вынес оттуда два кирпича под мышкой.

От Крымского брода он повернул по берегу, дошёл до одного места, где стояли две лодочки с вёслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму. Хромой старичишка вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головой и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался сажень на сто. Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромая, в шалаш.

А Герасим всё грёб да грёб. Вот уже Москва осталась назади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повеяло деревней. Он бросил вёсла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке — дно было залито водой, — и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением в лице, окутал

Ил. И. И. Пчелко

¹ Флигель — пристройка сбоку главного здания или дом во дворе здания.

верёвкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на неё... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжёлого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплёскивали они о бока лодки, и только далеко назади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Герасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донёс всё, что видел.

— Ну, да, — заметил Степан, — он её утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видел Герасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме него.

— Экой чудной этот Герасим! — пропищала толстая прачка, — можно ли эдак из-за собаки прокляжаться!¹.. Право!

— Да Герасим был здесь, — воскликнул вдруг Степан, загребая себе ложкой каши.

— Как? когда?

— Да вот часа два тому назад. Как же. Я с ним в воротах по-встречался; он уж опять отсюда шёл, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчёт собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай, — да такого необыкновенного леща² мне в становую жилу³ поднёс, важно так, что ой-ой-ой! — И Степан с невольной усмешкой пожался и потёр

¹ *Прокляжаться* — здесь: расстраиваться, сильно переживать.

² *Дать леща́* — ударить, сильно шлёпнуть.

³ *Становая жи́ла* — позвоночник.

себе затылок. — Да, — прибавил он, — рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Все посмеялись над Степаном и после ужина разошлись спать.

А между тем в ту самую пору по Т...у шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону¹, связал её узлом, взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах² от шоссе. Он шёл по нём с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе с радостной решимостью. Он шёл; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперёд. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел и слабо румянился последним отблеском исчезавшего дня, — с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший ему навстречу, — ветер с родины, — ласково ударял в его лицо, играл в его волосах

¹ *Попона* — покрывало, которым накрывают лошадь.

² *Верста* — старинная русская мера длины, немного больше километра.

и бороде; видел перед собой белеющую дорогу — дорогу домой, прямую, как стрела; видел в небе несчётные звёзды, светившие его путь, и, как лев, выступал сильно и бодро, так что, когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расхोдившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...

Через два дня он уже был дома, в своей избёнке...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили её, сказали Гавриле. Тот пришёл, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе с своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожать собаку, и наконец такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!», пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!»

Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она скоро после того умерла; а наследникам её было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку¹.

И живёт до сих пор Герасим бобылём в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за четверых по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит. «Впрочем, — толкуют

¹ *Распустить по оброку* — отпустить крепостного человека на заработки с условием отдавать барину часть заработанного.

мужики, — его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака — на что ему собака? к нему на двор вора оселом¹ не затащить!» Такова ходит молва о богатырской силе немого.

1. Что вас особенно взволновало в этом рассказе? Что бы вы хотели изменить в нём и почему?
2. Как вы объясните смысл названия рассказа? Как можно было бы по-другому его озаглавить?
3. Какие вопросы, связанные с рассказом, вам хотелось бы обсудить на уроке?
4. Как вы думаете, какое значение для развития событий имеет то, что Герасим — крепостной, подневольный человек?
5. Какие причины стали основой конфликта Герасима с барыней? Только ли барыня, её капризы и самодурство виноваты в этом?
6. Что такое дворня, челядь? Кто её составляет? С какими чувствами пишет о ней И. С. Тургенев? Как вы об этом догадались? А у вас какое отношение возникло к дворовым людям? Почему?
7. Как вы оцениваете вмешательство барыни в судьбу Капитона и Татьяны?
8. В чём причина сильной привязанности Герасима к Муму? Мог ли Герасим защитить Муму, спасти её?

Это интересно знать!

Известно, что глухонемой Андрей, крепостной матери писателя — Варвары Петровны Лутовиновой, пережил подобную историю, но остался покорным барыне, верным дворовым.

9. Что и почему изменил И. С. Тургенев в этой истории?
10. Когда у Герасима возникло решение уйти в деревню: до гибели Муму или после?
11. Как вы думаете, удалось бы слугам по приказу барыни вернуть Герасима и заставить его жить и работать по-прежнему? Докажите свою точку зрения.

¹ *Осел, оселок* — накидная петля, аркан.

12. Мы знаем, что Герасима в деревне никто не ждал: ни мать, ни невеста, ни друг — но он шёл туда, «с отчаянной и вместе с радостной решимостью». Почему, на ваш взгляд, писатель создал именно такую ситуацию?

13. Подготовьте художественный пересказ «Он шёл...».

В помощь!

1. Обратите внимание на *состояние Герасима*, когда он идёт домой (несокрушимая отвага, радостная решимость, бодрость), и на *состояние природы* (запахи, звуки, краски, движения ветра).
2. Используйте авторские эпитеты («синий, седой сумрак», «влажно-красные лучи») и сравнения («прямую, как стрела, дорогу домой»; «как лев, выступал» и др.).

В мастерской художника слова: портрет

Ивана Сергеевича Тургенева считают мастером портрета.

Портрет — это изображение в художественном произведении внешности человека (лица, фигуры, одежды). Портрет помогает понять характер героя и его настроение. Обычно в портрете подчёркиваются те стороны личности, которые важны для автора.

Обратите внимание на портрет Герасима.

Тургенев рисует его богатырём: высокий рост, широкие плечи, большие руки, огромная физическая сила. Лицо Герасима было неподвижное, угрюмое, только в редкие минуты оживлялось улыбкой. Одевался он по-деревенски, не так, как другие дворовые: красная рубашка, кафтан, тулуп, сапоги. Походка Герасима соответствовала его богатырскому виду: «усердно и безостановочно шагал какой-то великан», «он шёл... с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе с радостной решимостью».

Сравнение как художественный приём в рассказе

Вспомните, что такое сравнение и для чего оно используется в произведениях. С помощью каких слов сравнение вводится в текст? Создавая портрет Герасима, И. С. Тургенев сравнивал своего героя с деревом, растущим на плодородной земле; со здоровым быком, которого мчат в вагоне по железной дороге; с пойманным зверем; со степенным гусакom и львом, который обрёл свободу.

1. Вы обратили внимание, что эти сравнения «рассыпаны» по всему произведению. Почему И. С. Тургенев так построил свой рассказ? Какую роль в нём играют сравнения?

2. Найдите эти сравнения и попытайтесь определить, как они передают внутреннее состояние Герасима (мысли, чувства переживания) и авторское отношение к нему.

3. А теперь расскажите о Герасиме с использованием авторских эпитетов и сравнений:

- портрет Герасима;
- чем он отличался от других дворовых людей;
- какими качествами обладал;
- попытка Герасима преодолеть своё одиночество;
- отношение писателя к своему герою.

4. Рассмотрите иллюстрации художника И. И. Пчелко (с. 90, 91, 96, 98). Какие эпизоды из жизни Герасима нашли на них отражение? Как вы считаете, удалось ли художнику передать черты внешнего и внутреннего облика героя?

5. В рассказе И. С. Тургенева «Муму» мастерски выписаны портреты других героев. Найдите сравнения, с помощью которых писатель охарактеризовал своих героев, и попытайтесь раскрыть их значение.

6. Что осуждает И. С. Тургенев в своём рассказе?

7. Подготовьте выборочный пересказ «Муму в жизни Герасима».

8. Изучите страницу «И. С. Тургенев. “Муму”: автор в борьбе с крепостничеством» и подготовьте ответы на вопросы: «Почему И. С. Тургенев использовал приём скрытой антитезы, называя Герасима богатырём?», «Кто виноват в судьбе Герасима?».